

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 9.

НОЯБРЬ

1898.

С.Л.Б.
Типографія Правительствующаго Сената.
1898.

ПРИСЯГА КИРГИЗЪ ПЕРЕДЪ РУССКИМЪ СУДОМЪ.

И. В. Аничкова.

I.

Со введеніемъ судебной реформы въ Туркестанскомъ и Степномъ краяхъ, передъ реформированнымъ судомъ предстанетъ киргизъ, кочевникъ или земледѣлецъ, со всеми свойствами своей мало затронутой еще культурой природы. Намъ кажется своевременнымъ, въ виду скорого открытія гласнаго суда для Киргизскихъ степей, остановиться на тѣхъ особенностяхъ, съ которыми новому суду придется встрѣтиться и считаться. То, что теперь происходитъ въ камерахъ слѣдователей и накаплиется въ видѣ сыраго матеріала въ судебныхъ мѣстахъ прежняго устройства, сдѣлается достояніемъ гласности и публичнаго обсужденія.

На огромномъ пространствѣ Оренбургской губерніи, Уральской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской, Семирѣченской, Акмолинской и Семипалатинской областей новому суду придется столкнуться съ однимъ и тѣмъ же явленіемъ, такъ какъ типъ киргиза и тѣ условія, въ которыя онъ поставленъ, почти одинаковы; повсюду киргизскій народъ переживаетъ тяжелый религіозный, социальный и экономическій кризисъ, вслѣдствіе чего киргизскія массы находятся, въ настоящую минуту, въ переходномъ состояніи. Съ одной стороны, мусульманство,

охватившее ихъ глубоко въ религіозномъ отношеніи, съ другой стороны—переходъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому и повсемѣстное распространеніе земледѣлія, составляющіе экономическій переломъ въ жизни киргиза, и, наконецъ, распаденіе родоваго быта, подъ воздѣйствіемъ новыхъ порядковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подъ напоромъ другихъ понятій, паденіе патріархальной нравственности—ставятъ киргиза въ столкновеніе съ такими вопросами жизни, съ которыми онъ въ настоящее время не въ силахъ справиться, особенно благодаря ненормальнымъ отношеніямъ, въ которыя онъ поставленъ передъ лицомъ русскаго закона, воздѣйствующаго на него, главнымъ образомъ, со стороны уголовной репрессіи.

Новому суду сразу придется встать, лицомъ къ лицу, съ многими вопросами киргизскаго быта, волнующими народныя массы, которыя выражаютъ свое неудовольствіе существующими порядками подачею въ огромномъ количествѣ разныхъ жалобъ, заявленій, прошеній, доносовъ, болышею частью неосновательныхъ съ формальной стороны, но доказывающихъ неудовлетворенность и стремленіе найти правду и защиту въ русскомъ судѣ; къ послѣднему исполнѣ довѣрчиво относится киргизскій народъ, считающій въ своихъ рядахъ уже не мало интеллигентныхъ дѣятелей.

Внутренняя сторона каждаго судебного дѣла, ускользавшая отъ вниманія старыхъ судовъ, выплыветъ наружу при гласномъ судѣ и должна будетъ обратить на себя вниманіе общественнаго мнѣнія вообще и судебныхъ дѣятелей въ частности; нельзя забывать того, что одна изъ лучшихъ сторонъ новаго суда это его воспитательное значеніе для народныхъ массъ. Тѣмъ изъ судебныхъ дѣятелей, кому знакома тяжелая и неблагодарная работа слѣдователя во всѣхъ уголкахъ Киргизской степи, гдѣ послѣднему приходится сплошь и рядомъ встрѣчаться съ такими фактами, которые его глубоко возмущаютъ, но передъ которыми онъ совершенно безсиленъ, понятно станетъ то нетерпѣніе, съ которымъ всякій изъ нихъ ожидаетъ введенія новыхъ судовъ; благодаря имъ, добываемый съ такимъ трудомъ и усиліемъ, при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ служебныхъ и житейскихъ, матеріалъ не пройдетъ

незамѣченнымъ, а являясь предметомъ гласнаго обсужденія, послужить дѣлу развитія киргизскаго народа, улучшенію его быта, а также распространенію въ его средѣ нашихъ юридическихъ понятій, воспитывая въ немъ чувства законности, правды, уваженія къ собственности и личности. Несмотря на кажущееся однообразіе судебного матеріала въ Киргизской степи, который сводится, главнымъ образомъ, къ грабёжамъ, кражамъ лошадей и скота, лжедоносамъ, жалобамъ на поборы туземной администраціи и народнаго суда и сопротивленіямъ власти¹⁾, нельзя не придти къ тому заключенію, что всё эти явленія служатъ яснымъ показателемъ: во-первыхъ, стремленія киргизъ судиться во что бы то ни стало русскимъ судомъ, стараясь всякую баранту, подходящую подъ понятіе самоуправства, обратить въ разбой или грабёжъ; во-вторыхъ, возникновенія понятія о кражѣ, какъ о неблаговидномъ, съ точки зрѣнія нравственности, а не только нарушающемъ чужіе интересы, поступкѣ; въ-третьихъ, глухаго недовольства и постоянного протеста массъ противъ заправилъ и сильныхъ туземнаго міра, которыхъ управленіе, благодаря невѣжеству народа, только угнетаетъ и разоряетъ его.

Вотъ съ этими-то главными явленіями придется новымъ судамъ имѣть непосредственно дѣло, а потому необходимо подумать, какимъ образомъ они будутъ въ нихъ ориентироваться, имѣя передъ собою темную массу, которая, ожидая отъ суда правды, сама едва-ли будетъ въ состояніи гарантировать ее, благодаря различной точкѣ зрѣнія на религіозные и нравственные вопросы; при бумажномъ разсмотрѣніи дѣла, всё впечатлѣнія, которыя выносятся изъ общенія съ живыми лицами, теряются и ступеваются, вызывая только живое чувство въ слѣдователѣ, дальше камеры котораго не идутъ. Такъ или иначе, но одною изъ гарантій судебной правды будетъ даваемая свидѣтелями присяга, на которой мы и остановимся.

¹⁾ Дѣла, сопряженные съ лишеніемъ жизни, сравнительно рѣдки, большею частью убійства носятъ случайный характеръ и бываютъ послѣдствіемъ драки и ссоры; но случаются убійства и преднамѣренные, послѣднія почти всегда связаны съ партійной борьбой.

Весьма интересная статья г. Дингельштедта „Мусульманская присяга и клятва“ ¹⁾ трактуетъ о присягѣ у мусульманъ вообще и почти не касается присяги, даваемой киргизами; между тѣмъ послѣдніе, какъ мусульмане, присягаютъ по обряду магометанской религіи, а потому не лишено интереса прослѣдить, насколько присяга у нихъ имѣетъ общія черты съ даваемою другими мусульманами, какія она имѣетъ особенности и что служитъ причиной ея несостоятельности, вслѣдствіе которой она совершенно не гарантируетъ правильного отправленія правосудія.

Для этого необходимо помнить, что въ подтвержденіе своего alibi киргизы постоянно ссылаются на массу свидѣтелей; не понимая нашей точки зрѣнія, цѣль которой дсбыть отъ свидѣтеля доказательства факта, киргизы смотрятъ на присягу съ точки зрѣнія своего адата (обычнаго права), т. е. стремятся очиститься передъ судомъ, при помощи свидѣтельскихъ показаній, а потому крайне недоумѣваютъ, когда показаніямъ ихъ не придается значенія, да и сами свидѣтели не понимаютъ подчасъ, что отъ нихъ требуется; очевидно, наши точка зрѣнія и требованія недоступны еще для ихъ пониманія. Такъ, напр., какой-нибудь бій постановилъ несправедливое по существу рѣшеніе; для обиженной стороны иногда единственный выходъ добиться отмѣны рѣшенія—обвинивъ бія въ лихоимствѣ; съ этою цѣлью выставляется масса свидѣтелей, которые на самомъ дѣлѣ убѣждены и хорошо освѣдомлены въ несправедливомъ рѣшеніи бія, хотя и не были очевидцами его; вотъ киргизы ссылаются на подобныхъ свидѣтелей, которыхъ показанія по существу можетъ быть и правдивы, но съ нашей точки зрѣнія не могутъ имѣть значенія достовѣрныхъ свидѣтельскихъ показаній, потому что они удостовѣряютъ то, что знаютъ по наслышкѣ и народной молвѣ, а не то, что сами видѣли и слышали; это и есть очистительная присяга по „адату“.

¹⁾ Жур. Мин. Юст. 1896 г., № 4 (Апрѣль).

II.

Свою статью г. Дингельштедтъ начинаетъ слѣдующими горькими, но совершенно вѣрными словами: „какъ извѣстно, „одинъ изъ недуговъ нашего правосудія въ мѣстностяхъ, населенныхъ мусульманами, напримѣръ, въ Закавказскомъ краѣ, „это распространенность лжесвидѣтельства какъ при слѣдствіи, „такъ и на судѣ, какъ безъ присяги, такъ и подъ присягой“ (стр. 112). То же самое приходится сказать о Туркестанѣ и Киргизской степи, если дѣло не стоитъ, въ этомъ отношеніи, еще хуже.

Вся статья г. Дингельштедта наполнена замѣчаніями, изъ которыхъ многія примѣнимы и къ Киргизской степи, а потому напомнимъ только тѣ, которыя рѣзко характеризуютъ трудность и подчасъ безпомощность отправленія правосудія въ мѣстностяхъ, населенныхъ туземнымъ мусульманскимъ населеніемъ. „Болѣе, чѣмъ за 25-лѣтній періодъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ, въ Закавказьѣ, весь нашъ судебный персоналъ такъ присмотрѣлся къ этому совершенно „обычному явленію, что пересталъ имъ возмущаться, и наши „закавказскіе судьи, можно сказать, привыкли даже обходиться совсѣмъ безъ свидѣтельскихъ показаній, въ виду ихъ „нерѣдко повальной недостовѣрности и лживости“ (стр. 112). Затѣмъ авторъ указываетъ на то, что изъ всѣхъ разновидностей закавказскаго лжесвидѣтельства особенную распространенность получили „свидѣтельства объ alibi обвиняемаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ образовалась цѣлая корпорація такъ называемыхъ алибистовъ“; бороться съ ними оказалось не подъ силу мѣстнымъ властямъ; по словамъ автора, подобный свидѣтель самымъ простымъ и грубымъ приѣмомъ оправданія старается выгородить сославшагося на него, заявляя, что въ моментъ совершенія преступленія онъ находился съ обвиняемымъ тамъ-то и уже послѣ прошелъ слухъ о преступленіи (стр. 113). Буквально такія же свидѣтельскія показанія фигурируютъ передъ судами въ мѣстностяхъ съ киргизскимъ населеніемъ.

Авторъ поставилъ себѣ задачу прослѣдить присягу у му-

судьманъ, съ точки зрѣнія шаріата; касаясь ея значенія въ глазахъ мусульманъ и формы ея, онъ старается объяснить ея несостоятельность въ нашихъ судахъ со стороны мусульманскаго міросозерцанія; но такъ какъ вопросъ этотъ интересуетъ насъ, поскольку онъ касается киргизъ, то мы на немъ не остановимся, хотя возвратиться къ нему придется въ силу того, что мусульманство все интенсивнѣе захватываетъ въ свои руки киргизскія массы и взгляды шаріата отражаются и на нихъ ¹⁾).

¹⁾ Любопытно сопоставить эти данныя съ тѣмъ, что мы встрѣчаемъ въ мусульманскихъ государствахъ, напр. въ Египтѣ; въ книгѣ герцога Гаркура „Египетъ и Египтине“, Казань 1895 г., переводъ и примѣч. Бобровникова, въ главѣ V, о нравственныхъ чувствахъ египтянъ, на стр. 230, мы читаемъ; „У египтянъ, напротивъ, „равнодушіе къ правдѣ общее; потребности въ ней они не знаютъ и не понимаютъ, „и я думаю, что совершенно невозможно заставить египтянъ почувствовать цѣну „любви къ правдѣ и понять благородство этого чувства. Это доказывается сценами, „которые происходятъ ежедневно въ судѣ. Для правильнаго разбора своихъ дѣлъ, „европейцы организовали судебныя учрежденія на европейскій ладъ, но засѣдающіе „въ нихъ судьи находятся общино въ невозможности узнать правду, когда свидѣ- „телями являются туземцы. Я слышалъ разсказъ одного судьи на счетъ этихъ „затрудненій и почти дословно передаю его. Когда арабъ, говорилъ онъ, считаетъ „для себя выгоднымъ дать ложное показаніе, то совѣсть его нисколько ему въ этомъ „не мѣшаетъ, и если потребуютъ отъ него присяги, если заставятъ его поднять „руку, онъ исполняетъ все съ полнѣйшимъ равнодушіемъ“ (стр. 230). А дальше: „Какой судъ мыслимъ, сказалъ судья, когда правы, которые намъ открываютъ „подобные факты, всеобщі? Когда я долженъ дѣлать выборъ изъ противорѣчащихъ „показаній двухъ лицъ, и стараюсь найти въ обстоятельствахъ дѣла указанія, на „чьей сторонѣ правда вѣроятнѣе, и затѣмъ, такъ сказать, на счастье, произношу „неповоротное рѣшеніе. Узнавъ долгимъ опытомъ, что не слѣдуетъ довѣрять пока- „заніямъ, я ими болѣе не интересуюсь. Я думаю, что это есть maximumъ доступ- „наго странѣ правосудія“ (стр. 232). А вотъ что говоритъ С. Б. въ своей статьѣ „Присяга и жесвидѣтельство мусульманъ въ русскомъ судѣ“ (Туркестанскія Вѣдомости 1896 г. № 96): „Мусульмане-свидѣтели смотрятъ на обязанность „являться въ судъ, какъ на средство наживы или выгоды, оказывая той или другой „сторонѣ услугу ложнаго показанія. Доказательствомъ этого вывода могутъ служить „почти всѣ дѣла, основанныя на свидѣтельскихъ показаніяхъ и производящіяся „у мировыхъ судей и въ областномъ судѣ, въ качествѣ слѣзда. Въ каждомъ почти „такимъ дѣлѣ можно видѣть свидѣтелей, противорѣчащихъ себѣ въ самомъ суще- „ственномъ. При производствѣ формальнаго слѣдствія, жесвидѣтельство развито „почти такъ же, но здѣсь отсутствіе гласности мѣшаетъ сторонамъ дѣйствовать „услѣшно; тѣмъ не менѣе во всѣхъ почти слѣдственныхъ производствахъ можно „найти показанія, другъ другу въ корнѣ противорѣчащія. Подкупъ и жесвидѣтельство „при возбужденіи обвиненія, въ особенности по дѣламъ, вытекающимъ изъ выборовъ „должностныхъ лицъ, сдѣлались явленіями совершенно заурядными; нѣтъ ни одного

Коснувшись слегка присяги у киргизъ, г. Дингельштедтъ, говоря на стр. 154, будто „киргизы высоко почитаютъ „присягу и случаевъ лжесвидѣтельства подъ присягой почти „неизвѣстно между ними“, глубоко заблуждается, напрасно ссылаясь на такой капитальный трудъ, какъ сочиненіе Н. Гродекова „Киргизы и Каракиргизы“; авторъ послѣдняго, трактуя исключительно о народномъ судѣ по адату, не касается вовсе столкновенія киргизскихъ понятій съ требованіями нашего законодательства. Если г. Дингельштедтъ, цитируя слова почтеннаго автора этого труда, ссылается на нихъ, то это надо понимать только по отношенію къ очистительной присягѣ киргизъ въ народномъ судѣ, но вовсе не касается присяги, даваемой въ русскомъ судѣ, по общепринятому образцу для всѣхъ мусульманъ. Слова автора вполне примѣнимы къ народному суду, гдѣ, согласно мнѣнію г. Хантинскаго, въ № 81 „Тургайской Газеты“ за 1896 годъ, „всѣ уголовныя и гражданскія дѣла киргизъ разрѣшаются въ порядкѣ гражданскихъ взысканій, при посредствѣ „очистительныхъ и подтвердительныхъ присягъ, на которыхъ „собственно и покоится киргизскій процессъ“. Но ихъ никоимъ образомъ нельзя примѣнить къ присягѣ, даваемой въ русскомъ судѣ, гдѣ киргизскія лжесвидѣтельства стали обычнымъ явленіемъ и непремѣннымъ условіемъ каждаго судебного разбирательства. Послѣдней киргизы ровно никакого значенія не придаютъ и относятся къ ней совершенно формально, вовсе не стѣсняясь говорить неправду; въ этомъ отношеніи необходимо возстановить дѣйствительность, такъ какъ эта сторона вопроса освѣщена авторомъ совершенно неправильно. Киргизы лгутъ на судѣ безъ всякаго стѣсненія, вполне беззапѣчиво, наивно и безнаказанно, уличить ихъ въ этомъ очень трудно, почти невозможно, такъ какъ киргизъ никогда не является одинокимъ въ своихъ столкновеніяхъ съ

„дѣла, начинаемаго частнымъ лицомъ, гдѣ бы не было подставныхъ свидѣтелей. „Все это факты не единичные, а общіе, не повторяющіеся, а прогрессивно развивающіеся. Это зло, которому необходимо положить конецъ, преслѣчь его, если „возможно въ корнѣ“. Любопытно сопоставить оба эти показанія; во всякомъ случаѣ никакихъ комментариевъ они не требуютъ.

русской властью: за нимъ всегда стоятъ родичи, готовые поддержать его и вывести изъ какого угодно затруднительнаго положенія. Съ этими порядками вполнѣ свыклись судебные дѣятели и перестали ими возмущаться, такъ какъ борьба съ ними при нынѣшнихъ условіяхъ невозможна. Если же слова г. Дингельштедта отнести къ народному суду, то они вѣрны, такъ какъ у киргизъ въ этомъ случаѣ и не можетъ быть лжесвидѣтельства, потому что по адату присягодатель является со стороны истца, но по выбору отвѣтника.

Въ послѣднее время однако въ Тургайской области, по словамъ того же г. Хантинскаго (Тург. Газ. № 81), и въ народныхъ судахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда прибѣгаютъ къ клятвѣ надъ кораномъ, у муллы, замѣчено развитіе лжесвидѣтельства, такъ что военнымъ губернаторомъ предписано не допускать ея, „какъ по отсутствію въ большинствѣ киргизъ „вѣры въ святость подобной присяги, такъ и по требованію „закона (Собр. узак. и расп. правит. 1892 г. № 31). Подобная присяга, какъ видно, не достигаетъ цѣли, потому „что не отатарившіеся киргизы не вѣрятъ въ святость ея. „Самый киргизскій текстъ клятвеннаго обѣщанія этой присяги, переполненный татарскими и арабскими выраженіями, „мало доступенъ пониманію присягающихъ, чѣмъ злоупотребляютъ приводящіе къ присягѣ татарскіе муллы, вселяя въ „киргизъ увѣренность, что они, муллы, незамѣтно измѣняя „слова присяги, могутъ дѣлать ее и очень страшной по своимъ послѣдствіямъ и наоборотъ. Кромѣ того въ мусульманской присягѣ отсутствуетъ та обстановка, которая въ киргизской присягѣ столь сильно дѣйствуетъ на воображеніе „киргиза, дѣлая ее въ его глазахъ актомъ, къ которому нужно „относиться со страхомъ и уваженіемъ. Теперь понятно, почему мусульманская присяга, которая стала практиковаться „между киргизами, ведетъ къ увеличенію лжесвидѣтельства „подъ присягой, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наказаній за клятвенныя преступленія, прежде почти неизвѣстныя“. Къ этой замѣткѣ придется еще возвратиться, такъ какъ авторъ наглядно изображаетъ присягу киргизскую, по адату. Прибавимъ, что киргизъ повсюду одинаковъ и приведенію его къ присягѣ въ

камерѣ слѣдователя или залѣ суда, муллою татарскимъ или сартовскимъ, онъ никакого значенія не придаетъ и не считаетъ себя вовсе стѣсненнымъ подобной присягой. Мнѣніе г. Дингельштедта уже встрѣтило отпоръ на страницахъ майской книги „Средне-Азіятскаго Вѣстника“ за 1896 г., въ библиографическомъ отдѣлѣ котораго г. Карцовъ совершенно вѣрно замѣчаетъ: „что же касается количества случаевъ лже-„присяги киргизъ на русскомъ судѣ, то, не будучи въ состояніи подтвердить наше заявленіе цифрами, позволяемъ „себѣ однако смѣло утверждать, что киргизы лгутъ подъ присягой рѣшительно такъ же часто, какъ и осѣдлые туземцы“ (стр. 109). Къ этому однако необходимо сдѣлать маленькую поправку, именно, что киргизы лгутъ на судѣ гораздо чаще, чѣмъ осѣдлые туземцы-сарты, не говоря уже о татарахъ, у которыхъ болѣе развито сознаніе правды и религіозный страхъ передъ нарушеніемъ клятвы, данной на коранѣ. Итакъ, слова г. Дингельштедта о святости присяги у киргизъ надо понимать въ томъ смыслѣ, что они чтутъ ее, когда она происходитъ по адату, что, само собою разумѣется, не примѣнимо въ русскомъ судѣ; да и въ народномъ, подъ вліяніемъ все нивелирующаго ислама, присяга по адату имѣетъ наклонность замѣняться присягой по шаріату, что и вызвало вполнѣ справедливый протестъ со стороны администраціи Тургайской области, приведенный нами выше.

III.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, почему распространено такое лжесвидѣтельство у киргизъ на русскомъ судѣ; происходитъ ли это отъ тѣхъ же мотивовъ, по которымъ всѣ мусульмане неправдивы и большею частью лгутъ на судѣ, или же объясненіе этого явленія надо искать въ бытовыхъ условіяхъ киргизскаго народа. Мнѣ кажется, что причина кроется и въ томъ и другомъ, но центръ тяжести лежитъ въ послѣднемъ.

До сихъ поръ существуетъ ошибочное мнѣніе, почему-то считающее киргизъ плохими мусульманами. Между тѣмъ мы

видимъ по всей степени развитіе ишанства и святошества (суфѣ), распространеніе низшихъ школъ, гдѣ преподають муллы, увеличеніе числа мечетей, съ муллами, ахунами и училищами при нихъ, повсемѣстное распространеніе мусульманской моды въ обиходѣ, одеждѣ и разговорной рѣчи, ходкую продажу изданій мусульманской книжности и т. п.; всѣмъ этимъ киргизскій народъ обязанъ татарамъ, бухарцамъ, хивинцамъ и сартамъ, которые путемъ торговыхъ и дѣловыхъ сношеній уже не пропагандируютъ, а дѣятельно укрѣпляютъ исламъ въ киргизскомъ народѣ.

Если намъ кажется, что киргизы плохіе мусульмане, то это происходитъ отъ того, что мы не отдѣляемъ религіозную сторону отъ соціальной; всякая религія воздѣйствуетъ на своихъ прозелитовъ съ этихъ двухъ сторонъ, тѣмъ болѣе магометанская, которая всецѣло охватываетъ и строго регламентируетъ каждый шагъ въ жизни правовѣрнаго. Всѣ проявленія жизни мусульманъ: турокъ, персовъ, арабовъ, татаръ, индусовъ, сартовъ и узбековъ, регламентированы и тѣсно связаны съ религіозными понятіями, которыя естественно не прогрессируютъ, а потому и держатъ мусульманскія общества въ застоѣ; бываютъ единичные протесты, но они еще мало оказываютъ вліянія на возвышеніе общаго уровня. Этимъ мы можемъ объяснить, что многіе просвѣщенные государственные люди, въ Турціи, Персіи и Египтѣ, облеченные абсолютной властью, являются совершенно безсильными, когда стремятся къ реформамъ и преобразованіямъ не въ духѣ ислама ¹⁾. Названныя нами народности исповѣдуютъ исламъ уже давно, а потому сжились и сроднились съ его соціальнымъ строемъ и порядками; другое дѣло киргизы, охваченные мусульманствомъ сравнительно недавно. Въ политическомъ отношеніи они почти не находились подъ давленіемъ и господствомъ мусульманскихъ владѣній, съ которыми соприкасались лишь на границахъ своихъ степей; а иногда и сами располагали ихъ судьбами, какъ это мы видимъ въ

¹⁾ Интересно въ этомъ смыслѣ: Политическое завѣщаніе Фуада-Паши („Русск. Мысль“, книга XI, 1896 г.).

1598 г. въ Ташкентѣ и въ 1770 г. въ Хивѣ. Сами по себѣ Киргизъ-Казакія Орды не могли слотиться въ одно государственное тѣло, а потому, подпавъ въ теченіе XVIII столѣтія подъ вліяніе Россіи, съ нашимъ поступательнымъ движеніемъ въ Среднюю Азію, совершенно были изолированы, въ политическомъ отношеніи, отъ сосѣднихъ ханствъ Бухарскаго, Кокандскаго и Хивинскаго. Вслѣдствіе этого, требованія магометанской религіи не поглотили жизнь киргизъ, въ смыслѣ житейскаго обихода и, если исламъ проникъ въ ихъ среду и сдѣлалъ большія завоеванія, то сфера его дѣятельности ограничилась религіозной стороною, не успѣвъ охватить ихъ соціальный строй; въ этомъ отношеніи киргизы имѣли возможность развиться болѣе самобытнымъ путемъ. Такимъ образомъ, при оцѣнкѣ мусульманства у киргизъ, необходимо имѣть въ виду, что область воздѣйствія мусульманства на киргизскія массы ограничена пока одною религіозною сферой, а потому, резюмируя все сказанное, мы можемъ заключить, что киргизы, какъ исповѣдники магометанской религіи, такіе же правовѣрные мусульмане, какъ и прочіе народы, но въ социальномъ отношеніи оставались до сихъ поръ внѣ зависимости отъ ислама; не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что если послѣдній и стремится вторгнуться въ эту область, то въ настоящее время для него нѣтъ тѣхъ благоприятныхъ условій, которыя бы облегчили ему проникнуть слишкомъ глубоко въ киргизскую жизнь; въ концѣ-концовъ борьба съ европейскою цивилизаціей будетъ ему не подъ силу, и онъ вынужденъ будетъ уступить ея давленію.

Эти соображенія приводятъ насъ къ тому выводу, что нельзя къ киргизамъ примѣнять, несмотря на ихъ преданность магометанской религіи, ту же мѣрку, какую мы прикладываемъ къ мусульманамъ Кавказа и Туркестана; послѣдніе не только исповѣдуютъ магометанскую религію, но прониклись мусульманскою культурой, представляя въ социальномъ отношеніи однородную, инертную массу. Однако теперь уже нельзя отвергать того, что шаріатъ (собраніе преданій о жизни Магомета и толкованій его ученія) сталъ проникать и овладѣвать киргизскимъ міровоззрѣніемъ, воздѣйствуя въ

этомъ смыслѣ на киргизское обычное право. А такъ какъ тотъ же г. Дингельштедтъ на стр. 114 категорически заявляетъ, что „мусульманская вѣра положительно не одобряетъ лже-„свидѣтельства“, то не въ правѣ ли мы искать объясненія лжесвидѣтельства киргизъ внѣ ихъ религіозныхъ убѣжденій? Мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаніе это сдѣлать, что всѣ тонкости и казуистическія объясненія и оправданія лжесвидѣтельства мусульманъ недоступны для пониманія киргизъ; на-примѣръ, благодаря непоследовательности корана, во взглядѣ его на клятву, толкователи его даютъ, по словамъ г. Дингельштедта, „подробное объясненіе, чѣмъ устанавливается „клятва и когда она не устанавливается“ (стр. 118); мусульманинъ, нарушившій клятву, всегда имѣетъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ искупленіе за нарушеніе клятвы совершенно формальное „въ видѣ милостыни, „поста или жертвы“ (стр. 122). Но подобнаго рода соображенія неизвѣстны еще киргизской массѣ, а потому надо искать объясненія въ области социальна-экономическихъ отношеній киргизъ между собою; тогда, быть можетъ, мы придемъ къ тому неутѣшительному выводу, что киргизъ, при настоящихъ условіяхъ своего существованія, не можетъ не лжесвидѣтельствовать, когда этого требуютъ обстоятельства дѣла, а главное интересы сородичей и его собственные.

IV.

Вся исторія киргизъ-казацкаго народа ¹⁾, раскинувшаяся по необозримымъ степнымъ пространствамъ отъ Волги до Иртыша, показываетъ намъ, что русское господство захватило его въ то время, когда онъ не могъ еще сплотиться въ одно цѣлое, и всѣ Орды—Внутренняя, Большая, Средняя, Малая и Дикокаменная,—раздѣленныя на многочисленные роды, постоянно волновались и враждовали между собою, подъ вліяніемъ разныхъ честолюбцевъ изъ среды султановъ или простыхъ батырей; баранты, увозъ женщинъ и дѣвицъ,

¹⁾ Л. Мейеръ—Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства Сиб. 1865.

перекочевки, воинственные схватки, побоища между разными поколениями, набѣги въ Кокандскіе и Хивинскіе предѣлы, грабительскія нападенія на караваны, родовые счеты и волненія, благодаря которымъ выдѣлились такіе смѣлые наѣзники, какъ Кенисара, Джанходжа, Исетъ, Садыкъ, державшіе въ страхѣ степь и сосѣднія ханства и имѣвшіе даже смѣлость беспокоить наши Сибирскую, Оренбургскую, а впоследствии и Сыръ-Дарьинскую военныя линіи,—все это заполняло жизнь Киргизской степи и вынуждало народъ сплачиваться въ крупныя родовыя группы; только сильный родъ могъ считать себя въ степи въ безопасности; слабые и небольшие роды стремились присоединиться къ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ создавалась та связь между родовыми группами, которую мы застали въ степи и, считая въ политическомъ отношеніи опасною, стремились разрушить. Уже во времени занятія нами Киргизской степи, орды обособились въ отдѣльные и самостоятельныя роды, которые, несмотря на частыя несогласія, признавали однако свою солидарность; вслѣдствіе этого родовые интересы всегда стояли на первомъ планѣ и связь между родственными группами упрочилась настолько, что до сихъ поръ послѣднія не утратили своего значенія и оказываютъ огромное вліяніе на взаимныя отношенія киргизъ.

Родовой бытъ, создавшійся въ теченіе столькихъ поколѣній и окрѣпшій благодаря особенностямъ степной жизни, представляя прежде единственную гарантію безопасности и благосостоянія, давно уже утратилъ всякое политическое значеніе, но въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ играетъ еще большую роль въ міровоззрѣніи киргизскихъ массъ. Съ административно-территоріальнымъ дѣленіемъ киргизъ, замѣнившимъ родовое, народъ до сихъ поръ еще не можетъ сжиться; постоянные раздоры и интриги при выборахъ туземныхъ властей, стоящіе народу большихъ средствъ и оканчивающіеся иногда убійствами, происходятъ, главнымъ образомъ, изъ того, что какой-нибудь честолюбивый агитаторъ, стремясь достигнуть власти, никогда не дѣйствуетъ одинъ или только на свой страхъ, а всегда поддерживается роди-

чами, которые даютъ ему средства, интригуютъ за него, вмѣстѣ съ нимъ при неудачѣ разоряются, а въ случаѣ успѣха вмѣстѣ съ нимъ же эксплуатируютъ и грабятъ проигравшую партію. Этимъ только можно объяснить то волненіе, которое переживаетъ кочевое населеніе во время выборной агитаціи, и ту массу подаваемыхъ жалобъ, общественныхъ приговоровъ и т. п., которые наводняютъ въ это время административныя и судебныя учрежденія. Никогда одинъ человѣкъ, не подерживаемый своею роднею, не можетъ рассчитывать на успѣхъ. Разумѣется, въ настоящее время значеніе большихъ родовыхъ группъ утратилось, вслѣдствіе замиренія степей онѣ распались на болѣе мелкія величины и имѣютъ стремленіе къ дальнѣйшему обособленію, но не скоро наступитъ время, когда киргизъ будетъ сознавать свою индивидуальность и чувствовать себя внѣ давленія и вліянія своихъ сородичей. Постараемся привести доказательства тому, что киргизъ, кочевникъ или земледѣлецъ, до сихъ поръ живетъ еще родовыми интересами и находится въ зависимости отъ своихъ сородичей.

Возьмемъ нѣсколько главныхъ моментовъ изъ жизни киргиза, гдѣ эта зависимость особенно прозрачна. Одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ для всякаго киргиза—это уплата калыма и вытекающія изъ него послѣдствія; вопросъ этотъ находится въ связи съ положеніемъ женщины и заслуживаетъ полнаго вниманія, но мы остановимся на немъ, поскольку онъ касается непосредственно интересующей насъ темы ¹⁾.

Зависимость отъ рода въ этомъ случаѣ для киргиза особенно чувствительна, потому что часть калыма уплачивается семьею жениха, а часть родовой группой, вслѣдствіе чего женщина, послѣ смерти мужа, переходитъ къ старшему родственнику, ближайшему по восходящей линіи, минуя конечно отца, прежде къ брату умершаго, а за неимѣніемъ его къ дядѣ

¹⁾ Эти вопросы введены въ сборникъ „Средняя Азія“, 1895 г. въ статьѣ „Къ вопросу о калымѣ“ Аничкова, и въ книгахъ июньской и июльской „Средне-Азіатскаго Вѣстника“ 1896 г., въ статьѣ: „Положеніе женщины у кочевниковъ“ Шканскаго.

и т. д. Въ настоящее время въ народныхъ судахъ замѣчается борьба съ этимъ порядкомъ, въ видѣ протеста, какъ со стороны женщины, такъ и мужчины, стремящихся къ разрѣшенію брачнаго вопроса путемъ обоюднаго соглашенія; но пока подобнаго рода протесты рѣдко имѣютъ успѣхъ, потому что народные суды поддерживаютъ интересы родовой группы, а не личности. Итакъ въ союзѣ брачномъ киргизъ является зависимымъ не только отъ своей семьи, но и отъ цѣлой группы семей, если можно назвать семьею, въ нашемъ смыслѣ, первую стадію родовой лѣстницы у киргизъ; безъ помощи и вліянія ближайшей родственной группы, киргизъ не можетъ достигъ хозяйственной самостоятельности, не имѣя жены и юрты. За-то онъ совершенно можетъ быть спокоенъ, умирая, за судьбу женъ и дѣтей; ближайшій родственникъ, беря жену, усыновляетъ и удочеряетъ дѣтей, такъ что сиротства или опеки, въ киргизскомъ быту, почти не существуютъ.

Обращаясь къ экономической сторонѣ, мы увидимъ, что и въ этомъ случаѣ киргизъ не можетъ считать себя самостоятельнымъ. Если мы вглядимся въ жизнь кочевника, то увидимъ, что богатому киргизу, безъ бѣдныхъ и зависимыхъ отъ него родственниковъ, нѣтъ возможности кочевать, при тѣхъ огромныхъ табунахъ и стадахъ, которыми онъ обладаетъ, требующихъ расчистки колодцевъ, ухода, надзора и т. д.; соединеніе при этомъ интересовъ богатаго и бѣднаго родственниковъ, являясь прямою необходимостью для перваго, въ свою очередь невыгодно и для послѣдняго: у киргизъ повсемѣстно существуетъ обычай давать въ ѣзду и выдойку лошадей и скотъ; помимо того, что, проживая съ сильнымъ родственникомъ, бѣднякъ чувствуетъ себя болѣе безопаснымъ отъ враговъ и воровъ.

Въ земледѣльческомъ бытѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣліе основано на искусственномъ орошеніи, прорытіе новыхъ оросительныхъ канавъ, исправленіе старыхъ, устройство плотинъ и т. п. дѣлается цѣлой группой юртъ, родственниковъ между собою, стало-быть и пользованіе происходитъ въ общихъ интересахъ. Прямымъ послѣдствіемъ

такой экономической связи киргизъ является то, что они кочуютъ или осѣдаютъ всегда извѣстными родственными группами, интересы которыхъ сталкиваются другъ съ другомъ и требуютъ постоянного общенія между собою; такъ всегда бываетъ на лѣтовкахъ, зимовкахъ и распашкахъ. Киргизскій аулъ или группа кибитокъ всегда составляютъ тѣсно сплоченное тѣло, въ экономическомъ отношеніи; его нельзя приравнивать къ русской деревнѣ, гдѣ лишь пользованіе надѣломъ связываетъ членовъ общины, а въ остальномъ каждый домохозяинъ совершенно самостоятеленъ; киргизскій аулъ, съ аксакаломъ во главѣ, составляетъ тѣсно связанную общими интересами группу кибитокъ, другъ отъ друга зависимыхъ. Благодаря существованію калыма и распространенному обычаю даренія ¹⁾, который у киргизъ составляетъ еще, нѣкоторымъ образомъ, форму пріобрѣтенія и перехода собственности, послѣдняя неустойчива до такой степени, что вчерашній богачъ (бай) можетъ оказаться байгушемъ (нищимъ), а завтра при помощи родственниковъ опять поправить свои обстоятельства; въ виду этого киргизъ вѣчно находится въ необходимости искать поддержки или быть готовымъ помочь своему родственнику, а потому никогда не можетъ быть увѣренъ въ прочности своего положенія, особенно, если онъ дастъ себя втянуть въ водоворотъ выборной агитаціи. Въ киргизскомъ быту постоянное и вполне обыденное явленіе—это помощь впавшему въ затруднительное положеніе родственнику или вліятельному родичу, напр. въ случаѣ падежа скота, неурожая, заключенія въ тюрьму, неудачи на выборахъ, смерти жены, болѣзни и пр.; точно также и поздравленіе съ какимъ-нибудь исключительно радостнымъ событіемъ, свадьбой, рожденіемъ сына, полученіемъ хорошаго мѣста и т. д.; все это служитъ поводомъ къ одариванію. Напримѣръ, организуемые киргизами поминки по умершимъ родственникамъ, куда съѣзжается масса народа, устраиваются

¹⁾ Такъ называемое „тамырство“ основано на взаимномъ одариваніи; въ случаѣ уклоненія одной изъ сторонъ отъ отдачи дара, обиженный можетъ жаловаться бію и тотъ долженъ будетъ его удовлетворить; случаи баранты происходятъ иногда вслѣдствіе неисполненія одною изъ сторонъ этого обычая.

всегда цѣлой родовой группой сообща, приходящей на помощь въ этомъ случаѣ ближайшему родству умершаго; такого рода поминки поддерживаютъ родовыя связи и напоминаютъ о солидарности членовъ одного рода, другъ съ другомъ, несмотря на разстоянія, ихъ раздѣляющія. Такъ какъ семейной жизни, въ нашемъ смыслѣ, въ киргизскомъ быту, особенно при многоженствѣ, почти нѣтъ, семья поглощается родомъ и родовые интересы стоятъ выше семейныхъ, то вполне будетъ понятно, почему въ дѣлахъ брачныхъ, наследственныхъ и хозяйственныхъ имѣютъ вліяніе и рѣшающее значеніе родственники до 7-го колѣна, только послѣ котораго родство не считается уже близкимъ, потому что можно свататься ¹⁾).

Теперь перенесемъ изъ сферы личныхъ интересовъ и отношеній въ область общественныхъ; мы видѣли, что аулъ, представляя собою тѣсно сплоченную единицу, самъ является далеко не самостоятельной, такъ какъ входитъ въ составъ родовой, болѣе крупной единицы. Въ вопросахъ пользованія лѣтовками, на кочевьяхъ, зимовыми стойбищами, раздѣломъ распаекъ и распредѣленіемъ воды заинтересованные аулы не могутъ быть сами вершителями недоразумѣній и требованій, такъ какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе вопроса находится въ зависимости отъ тѣхъ, кто имѣетъ больше скота, а стало-быть и вліянія на совѣщаніяхъ біевъ и выборныхъ лицъ; такія совѣщанія и рѣшенія носятъ характеръ третейскаго суда и имѣютъ большое значеніе, особенно если они сопровождаются общественной патой (молитвой), съ закладіемъ барана; такая форма разрѣшенія вопросовъ очень распространена и популярна. На этихъ совѣщаніяхъ рѣшаются вопросы, чью партію поддерживать на выборахъ, кому оказать помощь, какъ примирить враждующія стороны, обсуждаются хозяйственные и экономическіе вопросы, о кочевкахъ, водѣ, раздѣленіи земельныхъ участковъ и т. п.; бываютъ даже

¹⁾ Не послѣднюю роль играетъ въ киргизскомъ быту „свойство“; заручиться вліятельнымъ сватомъ (жудѣа) для киргиза является очень выгоднымъ, а потому нельзя забывать, что отношенія свойства еще болѣе связываютъ киргизъ другъ съ другомъ и отражаются на ихъ отношеніяхъ.

случаи, когда рѣшается судьба какого-нибудь опаснаго чловека или значительнаго лица, смерть котораго можетъ навлечь бѣду (балэ) на противную партію, такъ какъ въ этихъ случаяхъ на нее же и возводится обвиненіе въ убійствѣ ¹⁾. Всѣ эти вопросы обсуждаются вліятельными лицами какой-нибудь партіи, опирающейся всегда на извѣстную родовую солидарность, и могутъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда заинтересованныя лица связаны между собою общностью взглядовъ, безъ которыхъ не могутъ быть единодушныя рѣшенія. Потому-то мы видимъ, что личный протестъ, не опирающійся на родовую группу, бываетъ очень рѣдокъ и большею частью не приводитъ ни къ какому результату; вслѣдствіе этого большинство заявленій или жалобъ облакаются въ форму приговоровъ столькихъ-то юртовладѣльцевъ, довѣрившихъ такому-то подачу прошенія и ходатайство по дѣлу. Въ дѣлахъ тяжёбныхъ, производящихся въ народныхъ судахъ, зависимость лица отъ извѣстной группы дѣлается еще замѣтнѣе. Нельзя защищать своихъ интересовъ на судѣ бія или на съѣздѣ биевъ безъ поддержки родственниковъ; то же самое на выборахъ—нельзя выступать на нихъ на свой страхъ. Имѣя же за собою родство, въ случаѣ неуспѣха на судѣ, родственники отвѣчаютъ до пятаго колѣна, а при неудачѣ на выборахъ, расходы раскладываются на извѣстное количество кибитокъ; при благопріятныхъ обстоятельствахъ можно собраться съ силами и, при поддержкѣ сильнаго родства и свойства, вновь начать борьбу съ надеждой на успѣхъ. Положеніе проигравшей на выборахъ партіи на самомъ дѣлѣ

¹⁾ Случаи такихъ симулированныхъ убійствъ, къ сожалѣнію, болѣе часты, чѣмъ можно было бы ожидать отъ такого смирнаго народа, какъ киргизы; но при выборахъ у нихъ такъ разгораются страсти, что тутъ забывается даже кровное родство. Бываютъ примѣры убійства, изъ выборной и родовой вражды, на которое обрекаетъ себя одинъ изъ противниковъ жертвы. Такъ, въ 1890 г. было рѣшено общественной патай (молитвой) на м. Ацахъ, киргизами отдѣленія Тогузъ, поколѣнія Ассанъ, рода Кешкене-Чикты, въ Казалинскомъ уѣздѣ, убить Макабальскаго волостнаго управителя Панабека Альмабекова, бывшаго изъ другаго рода (Тюртъ-Кара) и непріятнаго противной партіи; 2 октября того же года рѣшеніе было приведено въ исполненіе и управитель убитъ ружейнымъ выстрѣломъ, въ своемъ аулѣ, на берегу Аральскаго моря, избранными для этого людьми.

очень тяжелое, если стороны не помирятся и побѣжденные не смирятся: на проигравшую партію, съ ея родствомъ, сыплются заочныя рѣшенія бѣевъ, обвиненія въ разныхъ не-вѣроятныхъ преступленіяхъ, акты объ оскорбленіи и сопротивленіи туземнымъ должностнымъ лицамъ, принудительныя взысканія, несправедливая раскладка податей, требованіе подарковъ, приведеніе въ исполненіе забытыхъ приговоровъ и рѣшеній народныхъ судовъ, а иногда и составленіе подложныхъ векселей отъ имени вліятельныхъ родственниковъ претендента проигравшей партіи. Возможно ли все это продѣлывать и ожидать результатовъ, если бы все это предпринималось въ интересахъ одного лица, безъ поддержки другихъ солидарныхъ съ нимъ? Цѣль выигравшей партіи—окончательно обезсилить и разорить противную партію, со всѣмъ ея родствомъ. За-то и проигравшая партія ведетъ подпольную борьбу, жалуясь на лихоимство, поборы и вымогательства, подавая доносы на конокрадство и грабежи со стороны заправилъ, вліятельныхъ родственниковъ побѣдителей и другихъ нежелательныхъ для нея лицъ. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ населеніе не разбито на отдѣльныя родовыя группы, а составляетъ одинъ родъ или отдѣленіе, не утратившее кровной связи, меньше бываетъ интригъ и злоупотребленій. Напримѣръ, въ дѣлахъ о конокрадствахъ и угонѣ скота, составляющихъ бичъ въ жизни киргизъ и тѣхъ народностей, которыя съ ними сталкиваются, и характеризующихъ судебное дѣло въ Киргизской степи, нѣтъ возможности найти виновныхъ или преслѣдовать вора, если онъ въ родствѣ съ туземными заправилами: его всегда поддержать, выгородить и дадутъ возможность расплатиться съ обиженнымъ, если нѣтъ другого выхода. Въ дѣлахъ судебныхъ, соединенныхъ съ уголовнымъ наказаніемъ, для того, чтобы спасти родственника, всегда пайдутъ средства и деньги для найма защитника, подкупа свидѣтелей, дачи поручительства, внесенія залога, сокрытія слѣдовъ преступленія и даже не побрезгаютъ дать ему возможность бѣжать съ дороги въ Сибирь ¹⁾. Всегда пороги

¹⁾ Въ киргизскихъ аулахъ силою и рядомъ скрываются бѣглецы изъ каторги или

камеръ судей и слѣдователей обиваютъ родственники заключенныхъ съ безконечными просьбами объ отдачѣ ихъ на поруки, ходатайствами о примиреніи сторонъ съ представленіемъ приговоровъ за подписями, печатами и тамгами юртовладѣльцевъ о добропорядочности, невинности и оговорѣ подсудимаго.

Никогда киргизъ не встрѣчаетъ затрудненій въ ссылкѣ на свидѣтелей, которыхъ выставляетъ массу, наивно спрашивая, не надо ли еще, и всегда прося допросить такъ называемыхъ почетныхъ и вліятельныхъ лицъ въ удостовѣреніе своей невинности. и чистоты; „минъ—акъ, таксыръ, гуамъ баръ“ (я бѣлъ, сударь, свидѣтели есть)—стереотипная фраза, дальше которой не идетъ логика киргиза-обвиняемаго; съ нею онъ идетъ въ тюрьму и каторгу, изумляясь, что, несмотря на массу свидѣтелей, выставленныхъ имъ, судъ не внимаетъ ихъ показаніямъ и разрѣшаетъ дѣло на основаніи такой логики, которая обвиняемому совершенно недоступна.

Напримѣръ, осужденный удивляется, что его осудили, если на его сторонѣ было 14 вліятельныхъ и почетныхъ киргизъ, а противъ него 7 простыхъ, какъ называютъ въ пародѣ, „джаманъ адамъ“ (плохой человѣкъ), въ противоположность первымъ, „джаксы адамъ“ (хорошій человѣкъ), такъ какъ у киргизъ и даже сартовъ понятіе хорошаго человѣка соединяется съ представленіемъ о богатствѣ и вліятельности въ обществѣ.

Любопытно, что при отводѣ свидѣтелей по нашему судопроизводству замѣчается та аномалія, что устраненіе свидѣтелей до 4 степени между киргизами есть мертвая буква, такъ какъ ближайшее родство по адату до 7 колѣна; вслѣдствіе этого устраненіе свидѣтелей, по нашимъ понятіямъ о родствѣ и свойствѣ, совершенно безцѣльно, — киргизъ на нихъ никогда и не ссылается.

Въ подтвержденіе и поясненіе всего сказаннаго, можно

ссылки въ Сибирь; этотъ элементъ для управителей съ ихъ родствомъ служить самымъ лучшимъ источникомъ дохода и вымогательства съ родственниковъ бѣглеца.

было бы привести массу фактовъ изъ практики судей и областныхъ судовъ Туркестанскаго и Степнаго краевъ, но это слишкомъ бы растянуло настоящую замѣтку, цѣль которой доказать только ту солидарность, которая существуетъ у киргизъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни; она совершенно парализуетъ всѣ мѣропріятія и примѣненіе закона, когда послѣдній приходитъ въ столкновеніе съ интересами родовой группы, внѣ которой нельзя себя представить киргиза. Несмотря на политику, стремившуюся разбить родовой бытъ, мы однако видимъ, что она этого не достигла, хотя киргизы уже сами тяготятся во многихъ случаяхъ той зависимостью другъ отъ друга, которая опутываетъ ихъ какъ паутина; родовое начало, поставленное лицомъ къ лицу съ новымъ для него порядкомъ вещей, основаннымъ на выборѣ туземныхъ судей и властей, одержало верхъ и, подчинивъ себя выборное начало, пагубно отразилось на жизни народа.

Личные интересы киргиза слишкомъ близко задѣваютъ родовые, а потому выборы, вызывая безконечные раздоры, интриги и тяжбы, разоряютъ цѣлыя аулы, временно обогащая находящихся у власти, въ ущербъ общему благосостоянію народной массы; эту выборную спекуляцію съ большою выгодой для себя эксплуатируютъ татары и сарты, ссужающіе во время выборной агитаціи легкомысленныхъ киргизъ кредитомъ, но послѣ получающіе съ нихъ лихвенные проценты; задолженность степи поэтому поразительная, особенно въ виду обычнаго поручительства другъ за друга.

V.

Вдумываясь въ такую зависимость киргиза отъ родовой группы, благодаря чему ступевывается его личность, можемъ ли мы предъявить къ нему требованіе, чтобы онъ явился безпристрастнымъ и правдивымъ свидѣтелемъ въ дѣлахъ своихъ сородичей? Ему нѣтъ даже надобности прибѣгать къ подкупу или подговору свидѣтелей: послѣдніе сами сознаютъ, что они слишкомъ связаны съ обвиняемымъ, чтобы рѣшиться идти противъ него и выступать на-перекоръ общему теченію.

Такого рода гражданскаго мужества отъ киргиза нельзя и требовать.

На самомъ дѣлѣ, что онъ будетъ дѣлать, если родня отъ него отвернется? Помощи ему не окажутъ, поддержки не дадутъ, взведутъ на него обвиненіе, бій постановить заочное рѣшеніе, калыма не заплатятъ и даже увезутъ жену, угонять скотъ, насчитаютъ больше кибиточной подати, обвиняютъ въ кражѣ, составлять ложный доносъ, чтобы довести его до слѣдствія, выставятъ противъ него массу свидѣтелей, обдѣлать водою, онъ останется безъ хлѣба, въ концѣ-концовъ онъ обратится въ какого-нибудь „изгоя“,—самое подходящее къ данному случаю выраженіе. Если даже у киргиза и является сознаніе, въ случаѣ его религіозности или болѣе развитаго нравственнаго чувства, показать правду, онъ не въ силахъ этого сдѣлать изъ страха навлечь на себя бѣду и этимъ погубить какъ себя, такъ и свою родню.

Итакъ не одно снисходительное отношеніе магометанской религіи къ лжесвидѣтельству служить причиной послѣдняго у киргизъ, но глубокая зависимость его отъ окружающей среды, которая подавляетъ его личность и не даетъ ему возможности поступать иногда такъ, какъ подсказываютъ совѣсть и разумъ. Несомнѣнно, что между татарами случаи лжесвидѣтельства подъ присягой рѣдки, между сартами часты, но все-таки сдерживаются въ извѣстныхъ предѣлахъ, а между киргизами почти поголовны. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ, гдѣ задѣты партійные счета, не только бываетъ трудно установить виновность, но иногда невозможно добиться, былъ ли самый фактъ преступленія или правонарушенія; положеніе судей и слѣдователей въ такихъ случаяхъ бываетъ безвыходное: нѣтъ критериума, котораго можно было бы держаться, особенно если судебный дѣятель не знаетъ языка, вслѣдствіе чего онъ лишенъ даже возможности вынести какое-нибудь впечатлѣніе о личности судящихся; если бы можно было еще добратся, почему лгутъ, но и это является недостижимымъ; приходится рѣшать дѣло на-угадъ, стараясь назначить мінімумъ наказанія, если нельзя вынести оправдательнаго приговора.

Раньше было сказано, что киргизъ смотритъ на присягу съ точки зрѣнія стариннаго „правежа“, которымъ должна была очиститься одна изъ сторонъ; присяга по „адату“ подходитъ къ этому понятію, а потому наши требованія отъ присяги для киргизъ совершенно непонятны.

Въ капитальномъ трудѣ г. Н. Гродекова—„Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области (Ташкентъ 1889), Юридическій бытъ“, т. I, мы можемъ найти указанія, какъ происходитъ присяга по адату, и увидѣть разницу съ требуемой нашимъ судопроизводствомъ присягою.

„Для указанія присяжнаго,—говоритъ г. Гродековъ,—назначается срокъ. Для „дачи присяги дается также срокъ. Срокъ выбора присяжнаго, при близкомъ разстояніи его общины, бываетъ три дня, при дальнемъ—до пятидесяти дней, даже до возвращенія съ лѣтовки. Срокъ принятія присяги дается болѣе продолжительный, чѣмъ для выбора присяжнаго, ибо въ первомъ случаѣ срокъ имѣетъ цѣлью дать присяжному полную возможность ознакомиться со всѣми обстоятельствами дѣла и узнать всѣ мнѣнія за и противъ него; тогда какъ во второмъ случаѣ имѣютъ въ виду только отдаленность общины, въ которую должно лично отправиться лицо для выбора присяжнаго. Пропустить одинъ изъ сроковъ значитъ проиграть дѣло. Выбранному лицу назначается мѣсто, куда онъ долженъ явиться для принятія присяги, въ известный срокъ, обозначенный въ постановленіи бѣи“ (стр. 209). „Сами присяжные также прилагаютъ усилія къ примиренію, останавливаясь на пути и угрожая одной сторонѣ явкою, а другой отказомъ“ (стр. 212). „Выборъ способа присяги зависитъ отъ истца. Но истецъ всегда придерживается мѣстнаго обычая“ (стр. 215). Если выбранный въ присяжные отказывается „выйти“ (чыкнаймынъ), то старики грозятъ исключить его изъ рода, т. е., если кто на него пожалуется, то изъ нихъ никто не представитъ за него присягу. Къ присягѣ являются всегда заблаговременно, за день. Прежде всего присяга налагается на ту сторону, у которой есть настоящій свѣдѣтель, получившій по дѣламъ о кражѣ всенародно „суюнчи“¹⁾ за обнаруженіе вора. Если нѣтъ свѣдѣтеля, то присяга налагается на сторону отвѣтчика, какъ слабѣйшую. Кромѣ того, по особымъ побудительнымъ причинамъ она можетъ быть назначена: сторонѣ истца, самому отвѣтчику, самому истцу, той сторонѣ, которую предпочитаетъ истецъ (или рѣдко отвѣтчикъ)“ (стр. 217). Это зависитъ отъ характера дѣла. Чѣмъ болѣе тяжело обвиненіе, чѣмъ выше сумма иска, чѣмъ чаще судился отвѣтчикъ, чѣмъ болѣе онъ пользуется извѣстностью, тѣмъ болѣе „кругъ рода или общины можетъ быть назначенъ для выбора присяжнаго, дабы при затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ могъ выйти чистымъ только при истинной невинности, такъ какъ де его враги, которыхъ больше бываетъ въ большомъ кругу, не рѣшаются считать его виновнымъ“²⁾. (Приводится таблица колынь

¹⁾ Подарокъ за хорошее или радостное извѣстіе; въ общемъ употребляется среди киргизъ.

родства, при хунѣ¹⁾, до 7-го, но мы ее опускаемъ). „Дальше круга запрещенной степени родства присяга не налагается“. „При наложеніи присяги на родовую группу, выбираютъ всегда группы нечетнаго колѣна родства: 3, 5, 7“ (стр. 220).

Въ интересной статьѣ г. Хантинскаго (въ Тургайской Газетѣ), о которой я уже имѣлъ случай упомянуть, говорится:

„Къ присягѣ по прежнимъ обычаямъ могутъ быть приводимы или сами тяжущіеся или свидѣтели, или поручители, представляемые истцомъ или отвѣтчикомъ, для удостовѣренія справедливости своихъ заявленій“. „Въ присяжные поручители выбираютъ стороны изъ родственниковъ до десятаго колѣна. Степень отдаленности родства опредѣляется судомъ, который назначаетъ тѣмъ болѣе отдаленное родство, чѣмъ вѣроятнѣе подозрѣваемое дѣйствіе или чѣмъ ниже нравственность выбравшей поручителя стороны. Показаніе присяжнаго поручителя считается за доказательство настолько несомнѣнное, что часто противная сторона употребляетъ всѣ усилія, чтобы кончить дѣло миромъ, при одномъ прибытіи до заката солнца въ назначенное мѣсто (на могилу предка, бугоръ, озеро и т. п.) лицъ, избранныхъ въ присяжные поручители.—Съ другой стороны, неявка ихъ на указанное мѣсто, безъ уважительныхъ причинъ, признается неизбѣжнымъ поводомъ къ обвиненію лица, за которое имъ слѣдовало присягать. Присяга, дается ли она свидѣтелями или поручителями, признается во всякомъ случаѣ очистительной, и принятіе ея зависитъ отъ доброй воли указываемаго тяжущимися лица. Почти всѣ приговоры народнаго суда, гдѣ требуется присяга, оканчиваются болѣею частью такъ: „въ случаѣ непринесенія присяги въ опредѣленный срокъ, такой-то признается виновнымъ и пр.“ Обрядъ присяги у киргизъ заключается въ томъ, что присягающій долженъ обойти вокругъ могилы какого-нибудь своего предка, а если она слишкомъ удалена, присяга приносится на кладбищѣ, или на другой какой-либо мѣстности, которая можетъ дѣйствовать на воображеніе степняка“. „Болѣе торжественный второй видъ присяги называется „курмалдыкъ“, т. е. жертвоприношеніе, заключающееся въ слѣдующемъ: избранный для принесенія очистительной присяги призываетъ къ себѣ обвиняемаго съ его родственниками, заставляя ихъ колоть чернаго барана, обходить вокругъ себя и поклестся, что обвиняемый не виновенъ“.

Авторъ поясняетъ, что принятіе присяги называется „джанъ-берю“ въ переводѣ душедааніе, а уплата предъявленнаго иска или части его присягодателемъ, дабы избавиться отъ присяги, называется „джанъ-садагасы“—выкупъ души.

Изъ всего приведеннаго можно видѣть, какое значеніе придаютъ киргизы присягѣ по адату и какъ она отличается отъ оффиціальной присяги, хотя и надъ кораномъ, но съ вы-

¹⁾ „Хунъ“ или „кунъ“, штрафъ (вира) за убійство мужчины до 2000 р. сколько, женщины до 1000, оффиціально въ Туркестанскомъ краѣ дѣйствовалъ до 1887 г., а неоффиціально практикуется и до настоящаго времени.

раженіями и мыслями, для киргиза совершенно непонятными и чуждыми. Одно уже бросается въ глаза судящимся, что свидѣтели играютъ совершенно пассивную роль, между тѣмъ какъ по адату они принимаютъ самое активное участіе въ дѣлѣ. Нельзя требовать отъ невѣжественной народной массы, да еще инородной и иновѣрной, чтобы она скоро свыклась съ нашей точкой зрѣнія, тѣмъ болѣе, что мы сплошь и рядомъ слышимъ отъ нашего простаго народа на судѣ: „да, я готовъ принять присягу или пусть онъ приметъ присягу, тогда дѣлайте со мною, что хотите“. Слишкомъ велика разница первобытной формы суда, которая еще переживается въ народныхъ и волостныхъ судахъ, съ современнымъ, усовершенствованнымъ процессомъ, недоступнымъ еще пониманію темной народной массы, особенно такой, какъ киргизская, гдѣ, благодаря родовому быту, одинъ за всѣхъ и всѣ за одного.

Можно, наконецъ, положительно придти къ тому заключенію, что лжесвидѣтельство киргизъ на русскомъ судѣ объясняется, главнымъ образомъ, тою рознью, которая возникаетъ въ душѣ киргиза, когда онъ долженъ, во имя какой-то эфемерной для него судейской правды и непонятныхъ нравственныхъ началъ, нарушать свою внутреннюю правду, съ которой онъ сроднился, которую всосалъ съ молокомъ матери и которая даетъ ему безопасность и значеніе въ своей средѣ, не противорѣча обычаямъ отцовъ и дѣдовъ; пренебреженіе ею неминуемо повлечетъ для него бѣду и несчастье. Любопытно, что киргизъ мало-мальски независимый отъ своихъ сородичей, напр. служащій по назначенію или найму, всегда является болѣе правдивымъ и менѣе податливымъ къ сокрытію истины на судѣ; въ крайнемъ случаѣ онъ старается дать уклончивый отвѣтъ, но избѣгаетъ лжесвидѣтельствовать на судѣ.

Вотъ съ какими условіями придется считаться новому суду при публичномъ разсмотрѣніи дѣлъ; положеніе судей можетъ быть подчасъ очень затруднительно, особенно если составляющіе судъ лица окажутся совершенно незнакомыми съ обычаями и точкой зрѣнія киргизъ, которымъ, въ свою очередь, непонятны взгляды и требованія суда.

Было бы крайне нежелательно, чтобы судъ, имѣющій высокую задачу воспитать въ киргизскомъ народѣ, весьма симпатичномъ, какъ это могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ, кому приходилось жить и дѣйствовать среди него, чувства законности и правды, былъ поставленъ въ положеніе слѣпой Оемиды, отъ которой тщетно киргизскій народъ будетъ ожидать правосудія и просвѣтленія.

Какъ поступить, чтобы гарантировать на судѣ правду, рѣшить трудно, потому что порядокъ присяги для всѣхъ мусульманъ Имперіи установленъ закономъ и едва-ли можетъ быть измѣненъ, тѣмъ болѣе примѣненъ къ киргизскому быту. Пока въ киргизскія массы не проникнетъ сознание правды, какъ мы ее понимаемъ, и киргизъ не развѣетъ свою индивидуальность, съ полной независимостью отъ родовыхъ понятій, нѣтъ надежды рассчитывать на какой-либо успѣхъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что, при выборной системѣ туземной администраціи, всѣ благія начинанія правительства не могутъ достигнуть цѣли и только съ паденіемъ родового быта, а также проникновеніемъ европейскихъ взглядовъ въ киргизскую народную массу можно ожидать въ киргизѣ развитія чувства правды и сознанія своихъ обязанностей внѣ круга сородичей. Родовой бытъ конечно постепенно клонится къ упадку, а проникновеніе европейскихъ взглядовъ обуславливается успѣшной борьбой съ азіятскими; первое зависитъ отъ системы управленія, а второе отъ развитія учебнаго дѣла, такъ какъ только образованіе можетъ придти на помощь новому, русскому, въ его борьбѣ со зломъ неправды. Но до этого еще далеко, а въ ближайшемъ времени необходимо подумать и найти способъ борьбы съ этимъ зломъ. Не рѣшаясь предложить какую-нибудь мѣру, въ видѣ панацеи отъ всѣхъ золъ, такъ какъ подобнаго рода вопросы не разрѣшаются однимъ взмахомъ пера, мы, однако, полагаемъ, что ограниченіе сферы дѣятельности народнаго суда, реформированіе его, хотя-бы въ смыслѣ уменьшенія подсудности и наказуемости ¹⁾, а также приближеніе къ народу

¹⁾ Народный судъ, служащій постоянно орудіемъ партійной борьбы, по Полож. Жур. Мин. Юст. Ноябрь 1898.

русскаго суда было бы однимъ изъ желательныхъ разрѣшеній нашей задачи. Это пожеланіе мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать, такъ какъ по опыту знаемъ, насколько народный судъ непопуляренъ въ населеніи и служить орудіемъ поддержанія въ киргизскомъ народѣ совершенно противоположныхъ нашимъ правовымъ понятіямъ взглядовъ. Если настоящія строки найдутъ откликъ въ тѣхъ судебныхъ дѣятеляхъ, которые разсѣяны по огромному пространству киргизскихъ степей, то цѣль этого труда будетъ нѣкоторымъ образомъ достигнута, такъ какъ она состоитъ въ томъ, чтобы пойти на-встрѣчу новому суду въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя онъ встрѣтитъ на первыхъ шагахъ своего пути; конечно, желательно ихъ предупредить, и нравственный долгъ работающихъ въ отдаленныхъ окраинахъ судебныхъ дѣятелей—облегчить новому суду его задачу, путемъ обмѣна мыслей по такому важному и животрепещущему вопросу, какъ обезпеченіе правды на судѣ и слѣдствіи.

объ упр. Туркест. и Степн. кр. можетъ приговаривать къ денежному взысканію въ 300 р. или тюремному заключенію до 1 и $1\frac{1}{2}$ года! Въ дек. книжкѣ Средне-Азіятскаго Вѣстника за 1896 г. проводится мысль о преобразованіи народныхъ судовъ въ волостные; это конечно было бы нѣкоторымъ прогрессомъ, но для этого судебные штаты слишкомъ малы и должны быть созданы наблюдательные органы.